

В. В. Сергеев, Н. П. Таньшина

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКИМ «МОЛОТОМ» И РУССКОЙ «НАКОВАЛЬНЕЙ»: НАПОЛЕОНОВСКИЙ ПЕРИОД

86

Рассмотрены конкретно-исторические аспекты ситуации в Восточной Пруссии в 1807–1813 гг., охарактеризовано современное состояние отечественной и зарубежной историографии Заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. и русско-прусского сотрудничества против наполеоновской Франции. Сделан вывод о том, что Восточная Пруссия занимала важнейшее место в политической, военной и дипломатической борьбе между Францией и Россией.

In this article, we consider the historical aspects of the 1807–1813 situation in East Prussia and describe current Russian and international historiography of the 1813–1814 Foreign Campaign of the Russian Army and of the Russian-Prussian alliance against Napoleonic France. We conclude that East Prussia played a central role in the political, military, and diplomatic struggle between France and Russia.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, российская и французская историография, Заграничный поход русской армии, наполеоновская Франция.

Keywords: East Prussia, Russian and French historiography, Foreign Campaign of the Russian Army, Napoleonic France.

На протяжении XVIII–XX вв. исторические судьбы Восточной Пруссии и России четырежды трагически пересекались: в годы Семилетней войны, в период Наполеоновских войн, во время двух мировых войн. В трех случаях Восточная Пруссия становилась ареной непосредственно двустороннего германо-русского противостояния и театром боевых сражений между войсками двух государств, и только в 1806–1813 гг. ее участь зависела от действий третьей державы – Франции. В этом видится важная специфика положения провинции в 1806–1813 гг.

В 2012 г. на государственном уровне отмечалось 200-летняя годовщина победы русского народа в Отечественной войне над наполеоновской Францией. В разных городах России прошли многочисленные историко-культурные мероприятия: книжные и музейные выставки, исторические реконструкции, научные конференции. Появилось много новых публикаций научной, научно-популярной и историко-публицистической литературы. Тематика юбилейных торжеств не ограничивалась событиями 1812 г., но охватывала всю эпоху борьбы Российской империи против Наполеона Бонапарта.

Знакомство с современной российской историографией истории Отечественной войны и завершающего этапа Наполеоновских войн показывает явную недостаточность внимания ученых и общественности к европейскому походу русской армии, ее роли в окончательном сокру-

шении наполеоновского господства. События 1813–1814 гг. в работах российских авторов преимущественно затрагиваются косвенно, им отводится второстепенное место [6]. Вместе с тем они стали логическим продолжением Отечественной войны 1812 г. и ознаменовали окончательное падение империи Наполеона Бонапарта. Этот упрек в полной мере относится и к зарубежным историкам. В результате, по мнению британского историка Доминика Ливена, «роль России... игнорируется или понимается неверно...» [8, с. 39]. Примечательно, что отдельный номер журнала «Российская история» был посвящен обсуждению этой книги автора [18].

После юбилейного 2012 г. произошел определенный поворот научного интереса к событиям 1813–1814 гг.: были изданы монография Н. А. Могилевского [11], две энциклопедии [5; 13], сборник статей [14]. Прошли большие международные и всероссийские научные конференции, круглые столы и т.д. Этот всплеск научного интереса хочется воспринимать как только начало последующего углубленного исследования всех аспектов европейского похода русских войск в 1813–1814 гг.

Анализ всех недавних публикаций показывает недостаточную изученность в российской и зарубежной историографии вопросов, связанных с Заграничными походами русской армии, а также демонстрирует доминирование в национальных историографических школах стереотипных и мифологических представлений (подробнее см.: [20; 22]).

Если даже бегло окинуть взором зарубежную историографию событий 1813–1815 гг., то окажется, что это вовсе не историография Заграничных походов русской армии, а историография военных кампаний союзников против Наполеона. В огромном потоке зарубежной исторической литературы нет практически ни одной работы, посвященной роли русской армии в разгроме наполеоновской Франции, исключая войну 1812 г., или «русскую кампанию», как ее принято называть на Западе. Более того, долгое время на Западе тема участия России в Наполеоновских войнах откровенно замалчивалась, а «особый взгляд» представителей национальных историографий и их неприкрытый эгоизм привел к тому, что русская армия, вынесшая на своих плечах основную тяжесть войны и победоносно вошедшая в Париж, на страницах западноевропейских исторических сочинений оказалась почти забыта.

В условиях отсутствия единой интернациональной историографической традиции все национальные школы варились в собственном соку, используя свои национальные ингредиенты, крайне редко обращаясь к наработкам российских ученых. Как отметил Д. Ливен, «не удивительно, что в книгах, написанных британскими, французскими и американскими авторами, события 1812–1814 гг. обычно предстают в искаженном свете. <...> Что касается роли России в поражении Наполеона, то исследований подобного рода и специалистов в данном вопросе не существует. Ни один ученый на Западе еще не написал книгу о военных действиях России против Наполеона» [8, с. 38–39].

Причина такого положения дел заключалась не в незнании русского языка зарубежными исследователями, а в отсутствии спроса. Но, что характерно, главные ингредиенты национальных историографических

«кухонь» были идентичными, хотя и имеющими свой национальный колорит. Это в полной мере касается двух главных составляющих нашего «блюда»: первый — национальная мифология, второй — добрая толика специй в виде идеологической компоненты. Каждая национальная школа на протяжении двухсот лет плодотворно трудилась над конструированием своей концепции Наполеоновских войн, имея в фундаменте мощный слой патриотического нарратива, скрепленного необычайно прочным идеологическим цементом. Во Франции это, несомненно, «наполеоновская легенда» — идея величия Франции, ее лидирующего положения в мире, основанная на непоколебимой вере в военный гений Наполеона. А в том, что все кончилось крахом, виноваты «генерал Мороз», предательство союзников, но отнюдь не авантюризм самого императора. Что касается работ французских исследователей, рассматривающих историю международных отношений в наполеоновскую эпоху, в том числе вышедших в последние годы, то их не так много. Можно выделить труды обобщающего характера, посвященные истории международных отношений и Первой империи [24 — 30].

В немецкой историографии культивировались свои национальные мифы, тем более что почва в виде разбуженного Наполеоном немецкого национального сознания и патриотизма была подготовлена. «Германоцентризм», «англоцентризм», «франкоцентризм», «италоцентризм» — вот что прежде всего характеризует развитие национальных школ, в рамках которых все внимание и слава отдавались «своим» участникам событий 1813 — 1814 г., а все остальные игнорировались либо упоминались попутно.

И это вовсе не «мировая историография» в целом, а, говоря словами А. В. Чудинова применительно к событиям 1812 г., «множество ручейков национальных историографий, струившихся практически независимо друг от друга, не только не сливаясь воедино, но и соприкасаясь лишь в минимальной степени» [23, с. 61].

В еще меньшей степени в зарубежной и российской историографии представлен восточнопрусский аспект Наполеоновских войн. В современной отечественной историографии заметный научный приоритет в данном случае имеют калининградские историки-профессионалы и краеведы. В их исследованиях много внимания уделяется положению в Восточной Пруссии накануне и во время французского нашествия на Россию, русско-прусскому сотрудничеству в борьбе против Наполеона [3; 4; 7 — 10; 14 — 18].

Важным вопросом, требующим дальнейшего осмысления в историографии Наполеоновских войн, является вопрос о последствиях для Восточной Пруссии военной кампании 1806 — 1807 гг. Поражение поставило Пруссию в тяжелейшее положение. Ее территория значительно сократилась. На страну была наложена контрибуция, составлявшая, по разным источникам, 120 — 150 млн франков. Отдельно Кёнигсберг должен был выплатить победителю 12 млн франков. Общий ущерб от французской оккупации (в Кёнигсберге французы находились 39 дней) составил 40 млн талеров, от действий русской армии — 14,5 млн [15, с. 281].

Осуществлялась конфискация пороха, свинца, запасов янтаря, русских, шведских и английских товаров как имущества противников, на провинцию легло обеспечение французской армии продовольствием, одеждой и т. п. Возросла смертность населения, начались инфекционные заболевания среди скота. Большие потери из-за континентальной блокады понесла торговля провинции.

В 1807 г. судьба прусской монархии полностью зависела от воли Наполеона и заступничества Александра. Французский император намеревался уничтожить Пруссию, разделив ее территорию с Россией, Александру же Пруссия была нужна как буфер, противовес Франции. В результате Пруссия сохранила свою государственность и получила возможность заняться реформированием важнейших сторон своей жизни. Особая роль в данном отношении принадлежала Восточной Пруссии и Кёнигсбергу, который в 1808–1809 гг., во время изгнания Наполеоном королевской семьи из Берлина, был столицей королевства. Именно здесь принимались законы о реформировании армии, системы городского управления и т. д. Здесь состоялись первые выборы городских депутатов и избрание магистрата. Население провинции залечивало раны и налаживало нормальную обычную жизнь: завершилось строительство театра в Кёнигсберге и 9 марта состоялось его открытие оперой Моцарта «Милосердие Тита», развивался университет Альбертина — с 1809 г. в нем начал преподавательскую деятельность астроном Фридрих Вильгельм Бессель, благоустраивался город: улучшалось уличное освещение, на улицах появились таблички с названиями, а на домах — номера.

Отдельное исследовательское поле представляет вопрос об экономической и военной роли Восточной Пруссии накануне и во время наполеоновского похода на Россию. Он фактически не затрагивается в зарубежной историографии, а среди российских авторов научный приоритет здесь принадлежит калининградским профессиональным историкам и краеведам.

Тридцать первого декабря 1809 г. на пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Берлин был назначен граф Х. А. Ливен. Этот пост был в то время весьма важным, так как Александр I отводил Пруссии значимое место в создании очередной коалиции против Наполеона. Главная цель миссии графа Ливена состояла в попытке перетянуть Пруссию на сторону антифранцузской коалиции. Благодаря во многом супруге посланника, Дарье Христофоровне, российское посольство в скором времени стало играть заметную роль в дипломатической жизни Берлина (подробнее см.: [21, с. 19–22]).

Попытка России установить дружественные связи с Пруссией и вовлечь ее в антифранцузскую коалицию все же оказалась безуспешной: 24 февраля 1812 г. между Берлином и Парижем был подписан договор о наступательном и оборонительном союзе, направленный против России и ставивший Пруссию в полную зависимость от Франции. По этому договору Пруссия обязывалась выставить для участия в войне против России 20-тысячный корпус.

Двадцать восьмого июня 1812 г. А. Гольц, министр иностранных дел Пруссии, пригласил к себе графа Ливена и заявил ему, что «отношения, которые существуют между Пруссией и Францией, обязывают короля прекратить деятельность» российского посланника в Берлине. Вместе с тем Гольц давал понять, что этот шаг прусское правительство было вынуждено предпринять по требованию Наполеона и что король желал бы сохранить дружбу с Александром I и поддерживать с ним неофициальные отношения.

Еще до разрыва русско-пруссских отношений российский министр иностранных дел Н. П. Румянцев поручил Ливену договориться с прусским министром К. А. Гарденбергом, каким образом можно установить этот канал связи. В апреле 1812 г. в Петербург прибыл прусский подполковник О. Ф. Шеллер, который передал Александру I предложение Фридриха Вильгельма III сохранить тайные отношения между двумя странами. Шеллер инкогнито оставался в России, а в Берлин был направлен подполковник Г. В. Валентини, который должен был исполнять обязанности тайного поверенного в делах России в Пруссии. Одновременно на него возлагались функции военной разведки [1, с. 367, 474].

После заключения франко-прусского союзного договора закончилась спокойная жизнь для Восточной Пруссии, она превратилась в базу для развертывания наполеоновских войск. Вновь, как и в 1807 г., будущее провинции и королевства было поставлено в зависимость от исхода решающего столкновения между Францией и Россией. Наполеон пробыл в Восточной Пруссии с 12 по 21 июня. Именно здесь было принято окончательное решение о походе против России, и 22 июня в Волковышках (ныне г. Вилкавишкис в Литве) Наполеон отдал приказ о начале «Второй Польской войны» — так он называл вторжение в Россию.

Опять на жителей провинции обрушились большие затраты. Требования французов как союзников почти не отличались от тех, что имели место в 1807 г. Обер-бургомистр Кёнигсберга А. В. Хайдеманн и правительственный директор И. Г. Фрай с большим трудом обеспечивали поставки продовольствия, лошадей, фуража. Помимо этого необходимо было исполнить самый тяжелый налог — налог кровью: во вторжении в Россию принял участие прусский корпус под командованием генерала от инфантерии Ю. Граверта, командир авангарда — генерал-лейтенант Л. Йорк.

Много внимания калининградские историки уделяют различным аспектам русско-прусского сотрудничества в борьбе против наполеоновской Франции в 1812–1813 гг., в частности переходу на русскую службу высокопоставленного государственного деятеля Пруссии барона Г. фон Штейна, подполковника К. Клаузевица, майора Доны и других патриотически настроенных прусских офицеров, формированию Русско-немецкого легиона, созданию народного ополчения в Восточной Пруссии и др. (подробнее см.: [10; 11]). При этом подчеркивается, что определенная часть прусских государственных деятелей и офицества именно с Россией связывала патриотические надежды. Граф Ливен писал, что «все взоры обращаются к России», многие прусские офицеры «выразили желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией» [2, с. 115, 116].

Не могли калининградские историки пройти мимо такого во многом ключевого для русско-прусских отношений события, как подписание 30 декабря 1812 г. Таурогенской конвенции между Л. Йорком и генералом русской армии И.И. Дибичем о нейтрализации прусского вспомогательного корпуса. В освещении этого события разными авторами имеются расхождения относительно оценки военного значения конвенции. В коллективной монографии калининградских историков «Очерки истории Восточной Пруссии» поднимается вопрос о военных действиях и роли в кампании 1812 г. 30-тысячной армии под командованием маршала Ж. Макдональда, действовавшей из Восточной Пруссии на рижском направлении. Ее основу составлял прусский корпус. Г.В. Кретицин считает, что его поход «не принес славы ни французам, ни тем более пруссакам» [15, с. 285], хотя при ином развитии событий могла возникнуть реальная угроза Петербургу. Таким образом, по его мнению, военное значение подписанной конвенции было невелико.

91

Однако, несмотря на споры по отдельным частным вопросам, все авторы единодушно связывают с Таурогенской конвенцией начало нового этапа антинаполеоновского сотрудничества России и Пруссии.

Несомненный исследовательский интерес вызывает вопрос о ситуации в Вармии и Мазурах во время Наполеоновских войн. Характерно, что в очерках истории Вармии и Мазур, опубликованных в 1985 г., из 840 страниц лишь 3 посвящены этим событиям [31]. Вместе с тем известно, что 2 февраля 1807 г. французские войска вступили в г. Алленштайн (ныне г. Ольштын в Польше) и подвергли его разорению. На следующий день, 3 февраля, в Алленштайне останавливался Наполеон, а еще днем позже маршал Н.Ж. Султ разбил на реке Алле русский аррьергард. Во время сражения близ Гутштадта (ныне г. Добре-Място в Польше), состоявшегося 23–28 мая 1807 г. между войсками Беннигсена и Нея, часть русских солдат оказалась в плену и была размещена в костеле св. Якуба в Алленштайне. Чтобы не замерзнуть, солдаты жгли часть обстановки костела, тем самым сильно повредив его интерьер.

В мае 1807 г. зафиксированы нападения мазурских крестьян на французских солдат: в одной из деревень в районе Остероде (ныне г. Оструда в Польше) несколько французов были утоплены в озере. Однако в 1813 г. население в Мазурах сочувственно относилось к отступавшим французам, кормило их. Когда же прусские власти начали проводить мобилизацию в армию для войны с Францией, местное население оказывало сопротивление и дезертировало [31].

Как видим, вопрос о месте и роли Восточной Пруссии в политике европейских держав остается весьма дискуссионным и недостаточно исследованным как в отечественной, так и в зарубежной науке. Между тем в 1807–1813 гг. Восточная Пруссия занимала важнейшее место в политической, военной и дипломатической борьбе между Францией и Россией — образно говоря, между французским «молотом» и русской «наковальней». Калининградскими исследователями был поставлен и отчасти решен ряд важных и актуальных научных задач, однако проблема роли Восточной Пруссии (причем во всех ее границах, включая южные районы, которые в 1945 г. отошли к Польше) в контексте противостояния России и наполеоновской Франции требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 4. М., 1965.*
2. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 6. М., 1962.*
3. *Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны : исторические очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996.*
4. *Губин А.Б., Строкин В.Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991.*
5. *Заграничные походы российской армии. 1813–1815 : энциклопедия : в 2 т. М., 2011.*
6. *Ивченко Л.Л. Александр I, М.И. Кутузов и начало Заграничных походов 1813–1814 гг. в отечественной историографии // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы : матер. междунар. науч. конф. М., 2014. С. 143–157.*
7. *Клемешева М.А. Очерки истории края. Калининград, 1991.*
8. *Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.*
9. *Маслов В.Н., Сергеев В.В. О некоторых аспектах русско-прусского сотрудничества в Восточной Пруссии во время борьбы против наполеоновской Франции // Калининградские архивы : матер. и исследования. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 92–96.*
10. *Маслов В.Н. Освобождение северной части Восточной Пруссии от наполеоновского господства // Калининградские архивы : матер. и исследования. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 97–107.*
11. *Могилевский Н.А. От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012.*
12. *Наполеоновские войны в национальных историографиях Европы и Америки: материалы «круглого стола» // Французский ежегодник. 2013 : «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 300–343.*
13. *Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов : энциклопедия. М., 2012. Т. 1–3.*
14. *От Таураге до Парижа. (К 200-летию Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.) : сб. ст. Калининград, 2014.*
15. *Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретицин, В.Н. Брюшкин, В.И. Гальцов и др. Калининград, 2002.*
16. *Панченко А.А. Восточная Пруссия. 1813 год (К вопросу об освобождении Прусского королевства от наполеоновского господства) // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 104–115.*
17. *Панченко А.А. Кёнигсберг в эпоху Наполеоновских войн // Кёнигсберг-Калининград: город, история. Калининград, 2005. С. 138–149.*
18. *Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства. Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.*
19. *«Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // Российская история. 2013. №6. С. 3–51.*
20. *Таньшина Н.П. Заграничные походы русской армии в зарубежной историографии: двести лет в плену мифологий и идеологий // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы : матер. междунар. науч. конф. М., 2014. С. 158–165.*
21. *Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.*
22. *Тотфалушин В.П. Заграничные походы русской армии в советской историографии // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы : матер. междунар. науч. конф. М., 2014. С. 166–174.*

23. Чудинов А. В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник. 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 61–74.
24. Dufraisse R., Kérautret M. La France napoléonienne. Aspects extérieurs (1799–1815). P., 1999.
25. Histoire de la diplomatie française / présentation de D. Villepen. P., 2005.
26. Lentz Th. Nouvelle histoire du Premier Empire. P., 2002. T. 1 ; 2004. T. 2.
27. Napoléon et l'Europe / dir. J.-C. Martin. P., 2002.
28. Napoléon et l'Europe. Regards sur une politique. Actes du colloque / dir. Th. Lentz. P., 2005.
29. Palluel-Guillard A., Lovie J. L'épisode napoléonien. Aspects extérieurs (1799–1815). P., 1992.
30. Tulard J. Le grand Empire: 1804–1815. P., 2009.
31. Warmia i Mazury. Zarys dziejów / red. B. Łukaszewicz. Olsztyn, 1985.

Об авторах

Виктор Владимирович Сергеев — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Наталья Петровна Таншина — д-р ист. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

The authors

Prof. Viktor V. Sergeev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Prof. Nataliya P. Tanshina, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru